

— Вы не убили Инсюэ? Она случайно взяла ваш зонт, и вы, затаив злобу, использовали магию, чтобы убить ее. В противном случае, Инсюэ собиралась выйти за меня замуж, зачем ей было совершать самоубийство? Это не было самоубийством, судмедэксперт сказал, что на ее теле нет ни ран, ни следов отравления. Кто еще мог это сделать, кроме вас?

— Инсюэ сказала вам, что взяла мой зонт? — Го Саньфэн, казалось, уловил нить.

— Нет, Инсюэ, конечно, боялась меня подвести, она ничего мне не сказала. Но все в усадьбе знали, что вы потеряли зонт. Разве это ложь?

— Да, я действительно потерял зонт, но секретарь вернул его мне. Зачем мне было убивать Инсюэ? Это тоже тот человек вам сказал?

Пэй Гуань, казалось, усмехнулся:

— Если это не вы убили Инсюэ, почему наш начальник не стал расследовать дело, а сразу признал ее смерть самоубийством? Кто еще мог заставить его так поступить, кроме вас, молодой господин Ши?

Го Саньфэн не мог вымолвить ни слова. Он был настолько взбешен, что готов был задохнуться. Он яростно потер голову. Здесь явно что-то не так. Хотя слова Пэй Гуаня казались убедительными, что-то в них было не так. Кто-то явно вставлял палки в колеса...

Го Саньфэн напряженно думал, но так и не мог понять. Вдруг он заметил, что Пэй Гуань перестал говорить. Он позвал:

— Пэй Гуань, Пэй Гуань!

Он спустился вниз, где плавали несколько объектов, но Пэй Гуаня среди них не было.

«Неужели за такое короткое время его уже превратили в камень...»

— Ай, помогите! Даос Чжисинь! — Го Саньфэн изо всех сил закричал.

Казалось, будущий мастер должен был встретить свой конец в этой печи.

Чжисинь, вернувшись в уезд Цютан, первым делом нашел Юйнуаня. Тот сразу бросился к нему в слезах:

— Брат пропал...

Его слезы пропитали рясу Чжисиня.

Чжисинь кивнул:

— Я знаю, не плачь, расскажи мне, что произошло.

Юйнуань подробно рассказал о случившемся, а Лю Ланьси дополнил его рассказ услышанным.

— Пэй Гуань? — Чжисинь удивился, услышав это. — Нельзя медлить, я отправляюсь искать Пэй Гуаня.

— Даос, я тоже пойду, — Юйнуань, услышав, что будут искать брата, перестал плакать.

Чжисинь немного подумал, опасаясь, что в его отсутствие слуги уездного начальника снова начнут приставать к дракону, и согласился.

— Я... — Лю Ланьси начал говорить, но Чжисинь обернулся к нему. — Ты больше не вмешивайся в это дело.

Лю Ланьси слегка взмахнул рукавом, словно вздохнув:

— Я сделал все, что мог, больше ничего не могу. Ланьтин...

Чжисинь повернулся к окну:

— Я пришел, чтобы помочь ему, и буду делать это до конца.

Чжисинь и Юйнуань подошли к стене усадьбы уездного начальника. Юйнуань посмотрел на Чжисиня:

— Даос, мы ворвемся внутрь?

Чжисинь покачал головой, поманил Юйнуань к себе и что-то шепнул ему на ухо. Тот широко раскрыл глаза, кивнул и перепрыгнул через стену.

Чжисинь прижался к стене, прислушиваясь. Через мгновение внутри раздались крики и шум. Он вспомнил, как нашел душу Ши Ланьтина, тогда он тоже стоял у стены, ожидая, пока Ши Ланьтин, притворяясь призраком, проберется внутрь и устроит переполох. Прошло всего несколько месяцев, а все так изменилось...

Услышав, что шум усиливается, Чжисинь перепрыгнул через стену и, пока все были отвлечены появляющимся и исчезающим драконом, пробрался в комнату Пэй Гуаня.

Внутри было две кровати, одна с постельными принадлежностями, а другая — пустая. Это, несомненно, была кровать Пэй Гуаня.

Чжисинь взмахнул метелкой, и с кровати поднялись несколько волосков. Он развернул лист бумаги, и волоски упали на него. Сложив бумагу, он убрал ее, затем открыл шкаф Пэй Гуаня. Там лежало только две поношенные одежды, которые он тоже взял. Больше ничего не было. Похоже, Пэй Гуань ушел не спеша, забрав все свои вещи.

Чжисинь выпрыгнул через стену и потянул за нить метелки, привязанную к Юйнуаню. Как только он это сделал, Юйнуань понял, что дело сделано, и, скрывшись, вышел из усадьбы, чтобы встретиться с ним.

Они не теряли времени, нашли уединенное место, и Чжисинь сжег вещи, взятые у Пэй Гуаня, одновременно зажег благовоние поиска следа. Дым от волос и одежды поднялся и начал кружить вокруг благовония, но, не успев принять форму, вдруг рассеялся.

— Хм? — Чжисинь нахмурился и потушил благовоние. — Пэй Гуань мертв...

Юйнуань в отчаянии топнул ногой:

— Все напрасно, кто теперь знает, где мой брат?

Чжисинь тоже был в растерянности. Он думал, что, имея душу Ши Ланьтина, все будет просто, но тот, кто забрал его душу, явно знал даосские техники и использовал какую-то магию, чтобы

скрыть ее.

Чжисинь задумался, чувствуя, что что-то не так. Пэй Гуань был один, даже если таинственный человек дал ему артефакт, чтобы забрать душу Ши Ланьтина, то как насчет дракона...

— Как ты смог убежать в тот день? — спросил Чжисинь Юйнуаня.

Юйнуань замер, затем снова заплакал:

— Я не хотел бросать брата, но я был очень сонный. Пэй Гуань хотел убить меня, а брат защитил меня зонтом. Потом я потерял сознание.

Сказав это, он вытер слезы тыльной стороной руки.

— Ты чувствовал сонливость? Что ты ел?

— Это были миндальные пирожные из Башни Цзисян. Их нам дал секретарь, — Юйнуань, увидев выражение лица Чжисиня, вдруг понял и хотел уйти. — Я пойду в Башню Цзисян спросить.

Чжисинь спокойно остановил его:

— Не нужно.

Го Саньфэн чувствовал, что его дух тоже не выдержит. Он не мог просто сидеть и ждать.

«Если его действительно схватили для алхимии, то на дне печи должны быть другие ингредиенты».

Стиснув зубы, он поплыл вниз, к основанию печи. Волна жара обожгла его глаза. Чем ниже он опускался, тем горячее становилось. Го Саньфэн чувствовал, как его дух готов расплавиться, а глаза горели от жара. Внизу все было красным, словно он прыгнул в жерло вулкана.

Он достиг дна печи, где лежал толстый слой осадка. Он взял щепотку.

— Ай! — Острая боль пронзила его, и он увидел, что его пальцы стали красными, словно он сунул их в расплавленное железо.

«Это была киноварь!»

Го Саньфэн обрадовался: с киноварью он мог сделать все, но он был духом, как использовать ее, не повредив себя?

Он посмотрел на камнеподобные объекты, плавающие выше, взял два из них и прошептал:

— Два почтенных господина, я, как и вы, заперт в этой печи. Позвольте мне воспользоваться вами, не сердитесь. Если я выберусь, я не смогу сделать вам золотые статуи, но обязательно похороню вас в благоприятном месте.

Го Саньфэн, держа камни, обмакнул их в киноварь и начал рисовать символы на стенках печи. Стенки были горячими, киноварь еще горячее, и он провел в печи уже так долго, что его дух был настолько слаб, что он едва мог держать камни.

Он потратил много времени, чтобы нарисовать символы на четырех сторонах печи, затем, паря

в центре, начал читать заклинание. Собрал все оставшиеся силы, он громко крикнул:

— Откройся!

— Бам!

Металл загудел, разлетевшись на куски, искры от снадобий разлетелись во все стороны. Го Саньфэн почувствовал, как мощная вибрация разрывает его дух, и его сознание начало рассеиваться.

— Не зря ты душа добродетельного человека десяти перерождений. Даже после двух дней и ночей в печи ты смог разрушить мой сосуд.

Раздался голос, который показался ему знакомым, словно он слышал его совсем недавно!

Го Саньфэн стиснул зубы, изо всех сил пытаясь собрать свое рассеивающееся сознание. Он поднял глаза и увидел его!

Чжисинь привел Юйнуаня в дом секретаря Сюй Цзижу, но слуги сказали, что секретарь не жил здесь последние несколько дней.

— Я не верю, что они не знают, где секретарь, — Юйнуань был в ярости, его лицо покраснело.

Чжисинь ничего не сказал, его глаза были прикованы к дому секретаря. Неважно, правду ли говорили слуги, они, скорее всего, ничего не знали. Главное, что он не мог найти душу Ши Ланьтина.

Он снова попытался найти ее с помощью расчетов и вдруг понял: он нашел!

— Пошли! — Чжисинь схватил Юйнуаня и исчез.

<http://bllate.org/book/16812/1545765>